

Зденька Выходилова
Оломоуц

К ОДНОЙ ФУНКЦИИ
ЧЕШСКОЙ АДЪЕКТИВНОЙ МЕСТОИМЕННОЙ ЛЕКСЕМЫ «TEN»
В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЕЕ РУССКИМ ЭКВИВАЛЕНТОМ «ЭТОТ»

Местоименные лексемы *ten/этот* в чешском и русском языках выполняют, наряду со своими основными текстообразующими анафорическими функциями, целый ряд неанафорических дополнительных функций, в том числе выступают в качестве составных частей фразеологических или идиоматизированных выражений. Фраземы и идиомы мы понимаем вслед за чешским фразеологом Ф.Чермаком как перекрещивающиеся термины для обозначения «комбинации разнотипных и разнофункциональных элементов, минимум один из которых является с точки зрения остальных членом крайне ограниченной и закрытой парадигмы.» (Čermák 1994, с. 195, перевод З. В.)

В сопоставительном плане обнаруживается явная асимметрия в использовании данной лексемы в обоих языках, а именно в том смысле, что преобладающее большинство чешских фразем с местоименной лексемой «ten» не совпадает со своими русскими функциональными эквивалентами ни в отношении формы, ни в отношении мотивировки, срав., напр.¹:

Proto si někdy zaskočím k tomu nebo onomu tepicháři... (Č, 36).

Потому-то я и заглядываю в эти лавки... (Ч, 278).

...mohl jsem ji podřezat nebo zaškrtit, ale já neměl to srdce (Č, 46).

...мне ничего не стоило зарезать или придушить Амину, но у меня не хватало духу (Ч, 284).

(Для сравнения мы приводим также переводы на немецкий язык — объяснение видимой аналогии между чешским и немецким языками можно легко найти в экстралингвистической области:

¹ Занимаясь данной проблематикой, мы допускаем, что приведенные примеры могут зависеть от индивидуального «чутья» переводчика и не всегда могут являться единственно возможным функциональным эквивалентом той фраземы, который предлагает языковой узус.

Und deshalb laufe ich mal zu dem, mal zu jenem Teppichhändler... (Č(n), 11)
...ich hätte diesen Kötter abstechen oder erdrosseln können, aber ich hatte nicht das Herz dazu (Č(n), 19).

Некоторым чешским идиоматическим конструкциям с лексемой «ten» в русском языке соответствуют т.наз. экспликативные эквиваленты, то есть словосочетания, непосредственно выражающие лексическое значение, напр.:

Dobře, Karle. Půjčíš mi Holana?...
Přijdu si pro něho, Karle, až přijde ta chvíle (Pa, 86).

Ясно, Карел. А дашь мне Голана?
Я приду за ним, Карел, когда настанет нужный момент (Па, 72).

Подобное решение принимает польский переводчик:

— *Dobrze, Karolu. Pożyczysz mi Holana?...*
 — *Zjawię się po niego, Karolu, gdy nadejdzie właściwa chwila (Pa, S, 47).*

К идиоме с лексемой «ten» нередко прибегают также чешские переводчики, выбирая ее из нескольких возможных переводческих вариантов, срав., напр.:

Все они, каждый в разной степени, говорили по-русски (Лим., 97).
Všichni do té či oné míry ovládali ruštinu (Lim., 118).

Возможные варианты: *Všichni ovládali ruštinu, každý (z nich) na jiné úrovni/ někdo lépe, jiný hůře; všichni lépe či hůře ovládali ruštinu* и т.д.

Иногда переводчик экспрессивный оттенок значения детерминативного сочетания с «ten» оставляет без внимания, ср. в нижеприведенном отрывке как в русском, так и в польском переводах:

Vlasta byla přece "chudobná děvečka", postava z tolika lidových písní! Chudobná děvečka, která na světě nemá než tu poctivost... (Ku, Ž, 147).
Власта была «бедная девчонка», образ столько народных песен:
Бедная девчонка, у которой нет на свете ничего, кроме чистоты (Ку, Ш, 196).
Vlasta to przecież uboga dziewczeczka, która nie ma na świecie nic prócz swojej niewinności... (Ku, Ž, 112).

Чешский язык, в отличие от других языков, способен образовать такие экспрессивно окрашенные конструкции, в которых адъективная лексема «ten» находится в непосредственном контакте с местоимением 3 лица, при условии, что лексема «ten» следует за личным местоимением:

Pane státní, to není žádný švindl, on ten princ Karadagh za to nic nebere, to prý je moc stará rodina v Baku, říkal mně jeden Rus (Č, 32).

Господин прокурор, тут нет жульничества! Этот самый князь Карадаг даже денег не берет, он, говорят, из очень старинной семьи, мне один русский рассказывал (Ч, 222).

В т. наз. обиходном чешском языке (*obecná čeština*) существует возможность субстандартного морфологического варианта личного местоимения в данном сочетании, точный стилистический оттенок которой с трудом передается на другой язык. В нижеприведенном случае возможностью этого решения, наряду с другими морфологическими показателями обиходного чешского языка, воспользовался чешский переводчик:

А то ведь Франция — страна, прямо скажу, замечательная: и очередей никаких, и клубника свежая у них даже зимой. Они вообще такого понятия «сезонные фрукты» не имеют (Евт., 601).

Dyť vona ta Francie, to ti řeknu rovnou, je přímo úžasná země — fronty žádné, a čerstvý jahody tu mají i v zimě. Takovej pojem jako sezónní ovoce tu vůbec neznaj (Jevt., 299).

Случаи совпадения идиоматических конструкций с лексемами «ten» и «этот» довольно редки. Примером почти полной идентичности в чешском, русском, а также в немецком языках может служить пословица: *čí chleba jíš, toho píseň zpívej* — *чей хлеб жую, того и песенки пою*; *wes Brot ich esse, des Lied ich singe*, устойчивые словосочетания типа *И том, и этом*; *Ten i onen / I ten, i ten*; *На этом свете*; *Na tomto světě* и некоторые другие.

Естественно, что также в русском языке имеется целый ряд фразем и идиоматических сочетаний с лексемами «этот» и «тот», не имеющих формального эквивалента в чешском языке. По данным словарей идиомы с лексемой «тот» в количественном отношении в несколько раз превышают идиомы с лексемой «этот». Для иллюстрации приведем несколько примеров с обоими лексемами:

На этом счет — Pokud se toho týče, pokud jde o to.

Ни с того, ни с сего — Zčistajasna.

Это тот еще жук — To je vykutálený ptáček.

Это тот еще умелец — Ten je na obě ruce levý / Ten má obě ruce levé.

Что тот, что этот — Jeden za osmnáct, druhý za dvacet bez dvou.

Не на того напал — Nejssem žádný strašpytel, mám pro strach uděláno.

Хотя мы не проводили точный частотный анализ, на основе эмпирического наблюдения можно констатировать, что количество местоименных лексем в чешских идиоматических конструкциях выше, чем в русских. Объяснение этого факта можно искать, кроме прочего, в более широкой шкале употребления

чешских местоименных лексем, в их более широкой функциональной нагрузке и в тенденции русского языка избирать иные средства выражения в случаях, в которых чешский язык предпочитает наименование при помощи местоименных лексем.

В настоящей статье мы на нескольких примерах одной из периферийных функций местоименных лексем «ten/этот» хотели указать на то, что исследование таких, на первый взгляд второстепенных проблем может оказаться интересным не только с точки зрения «чистой лингвистики», но и прежде всего с точки зрения переводческой практики. Поэтому надлежащее внимание необходимо уделять явлениям подобного типа также в процессе вузовского обучения русскому языку.

Литература

F. Čermák: *Jazyk a jazykověda*. Praha: Pražská imaginace 1994.

Источники

Č: K. Čapek: *Povídky z druhé kapsy*. Praha: František Borový 1947.

Ч: К. Чапек: *Война с саламандрами*. Рассказы. (Перевод с чешского — разные переводчики). Москва: Художественная литература 1980.

Č(n): K. Čapek: *Die blaue Chrysantheme*. Übertragung von Grete Ebner-Eschenhaym. Leipzig: Reclam 1979.

Ку, Ž: M. Kundera: *Žert*. Brno: Atlantis 1991.

Ку, Ш: М. Кундера: *Шутка*. Перевод с чешского Н. М. Шульгиной. Санкт-Петербург: Амфора 1999.

Ку, Ž: M. Kundera: *Žart*. Przełożyła E. Witwicka. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy 2003.

Па: P. Ota: *Veliký vodní tulák*. Praha: Československý spisovatel 1980.

Па: П. Ота: *Смерть прекрасных косуль*. Перевод Г. Ванечковой и В. Ленделовой. В кн.: *Шумное одиночество*. Сборник, посвященный выставке творчества десяти чешских прозаиков. Прага 1997.

Па, Ś: P. Ota: *Śmierć pięknych saren. Jak spotkałem się z rybami*. Przeł. A. Czibor-Piotrowski, Józef Waczków. Izabelin: Świat Literacki 2004.

Евт.: Е. Евтушенко: *Не умирай прежде смерти*. Избранная проза. Москва: ЭКСМО-ПРЕСС 1998.

Јевт.: J. Jevtušenko: *Neumírej před smrtí*. Přeložili L. Dušková, L. Dvořák, M. Dvořák, H. Franková. Praha: Odeon 1996.

Лим.: Э. Лимонов: *Это я — Эдичка*. Москва: МОКА 1993.

Lim.: E. Limonov: *To jsem já, Edáček*. Přeložil L. Dvořák. Praha 1994.

Zdeňka Vychodilová

O JEDNEJ FUNKCJI CZESKIEGO ADIEKTYWNEGO LEKSEMU ZAIMKOWEGO *TEN*
W PORÓWNANIU Z JEGO ROSYJSKIM ODPOWIEDNIKIEM *ЭТОТ*

Streszczenie

Autorka artykułu w ujęciu konfrontatywnym czesko-rosyjskim rozpatruje frazemy i idiomy, których częścią składową jest leksem zaimkowy „ten / этот”.

Na podstawie analizy zebranego materiału skonstatowano, że istnieje wyraźna asymetria w użyciu badanego leksemu w obu językach. Zdecydowana większość czeskich frazemów z zaimkowym leksemem „ten” nie jest zgodna ze swym funkcjonalnym odpowiednikiem zarówno w aspekcie formalnym, jak i w aspekcie motywacji. Ponadto liczba konstrukcji idiomatycznych z leksemami zaimkowymi w języku czeskim jest większa niż w rosyjskim.

Zdeňka Vychodilová

ABOUT A FUNCTION OF THE CHECH ADJECTIVAL PRONOUN LEXEME *TEN*
COMPARED WITH ITS RUSSIAN COUNTERPART *ЭТОТ*

Summary

The author deals in her Czech-Russian comparative scheme with idioms, a part of which is formed by the pronoun lexemes *ten* and *этом*. On the basis of study of excerpt materials she draws the conclusion, that there is a clear asymmetry in use of this lexeme in either language on following counts:

1. Czech idioms containing the lexeme *ten* do not match in the majority of cases their Russian functional counterparts, neither as for form, nor as for causativeness.
2. Frequency of use of the idiomatic structures containing the given pronoun lexeme is higher in Czech than in Russian.